

2. Vienna tops Mercer's 21st Quality of living ranking. Mercer. March 13, 2019. (UTL: <https://www.mercer.com/newsroom/2019-quality-of-living-survey.html>) (дата обращения 16.01.2022).

3. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 31.08.2019). Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года. Приложение N 3 к Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года. Перечень перспективных центров экономического роста.

4. Комаров В. М., Акимова В. В., Волошинская А. А. Стратегии городского развития в России и мире: сравнительный анализ // ЭКО. 2021. № 4. С. 150-171

Varvara V. Akimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow

URBAN DEVELOPMENT STRATEGIES IN RUSSIA AND AROUND THE WORLD: WHAT IS WRONG AND HOW IT SHOULD BE

***Annotation.** A comparative analysis of national and foreign strategies for the long-term development of cities was carried out on the basis of the author's value-content methodology, taking into account the realities of a post-industrial society. The assessment was carried out according to two types of criteria: basic (the presence of the minimum necessary blocks) and progressive (compliance with the ideas of sustainable development (the trinity of economy, society and ecology)). Significant differences were revealed between the strategies for the socio-economic development of Russian and foreign cities in such areas as ecology, spatial planning and transport development. An important difference lies in the value approaches to the formation of documents: abroad, these are the values of sustainable development, in Russia, economic growth at any cost.*

***Keywords:** strategies for socio-economic development of cities, comparative analysis, sustainable development, strategic planning.*

УДК 911.3:32

Акщёнов К.Э.¹, Галустов К.А.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет

²Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ г. Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННО ЗНАЧИМЫХ ПРОЕКТОВ ИЗМЕНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ГОРОДСКИХ РЕЖИМОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** Теория городских режимов Кларенса Стоуна является важной теорией, раскрывающей взаимоотношения акторов: власти, бизнеса и общества. Трансформация городских режимов является универсальной тенденцией для всего российского пространства, но имеет характерную только для России специфику. В настоящем исследовании мы рассматриваем классификацию городских режимов*

и анализируем, насколько она соответствует реально существующим практикам в городском пространстве Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: *городские режимы, городские политические режимы, использование городского пространства, акторы, трансформация, Санкт-Петербург.*

Российское общество уже 30 лет находится в состоянии постсоциалистической общественно-политической трансформации. При этом процесс протекает неравномерно во времени и пространстве. Особенно заметно это проявляется в крупнейших городах, на которые трансформация оказала наиболее существенное влияние. Этот процесс тесно связан с продолжающимся изменением общественно-экономической формации, сопряжённым с возникновением институтов частного бизнеса и гражданского общества, а также инновациями в политической жизни города.

Важным подходом в науке, который раскрывает взаимоотношения акторов: власти, бизнеса и общества, является теория городских режимов Кларенса Стоуна [1]. Считается, что эта теория является наиболее универсальной, так как с одной стороны, классический экологический подход чикагской школы объясняет социальные процессы с точки зрения «невидимой руки рынка» (чистый капитализм). С другой, левая марксистская философия работает в рамках отношений «эксплуататор — работник», которая не включает объяснение роли представителей современного общества, не являющихся наёмными работниками, а также сложного комплекса отношений власти и «бизнеса-буржуазии» [2].

Мы предполагаем, что в крупнейших городах России за последние 20 лет были сформированы городские режимы. При этом процесс трансформации городских режимов имеет некоторые уникальные географические особенности в крупнейших городах (Санкт-Петербурге, Москве), которые задают «стиль» и направления поведения власти, бизнеса и общества на территории остальной России. Однако, мы исходим из того, что теория городских режимов лишь отчасти применима и не всегда может объяснить сложный характер положения и взаимодействий акторов в современном российском городе.

В своём исследовании «Regime Politics. Governing Atlanta. 1946-1988» К. Стоун на примере города Атланта (США) доказывает, что сложившаяся в нём система управления в полной мере зависит от неформальных взаимоотношений городской администрации и бизнес-сообщества. И далее эта система взаимоотношений только углубляется в зависимости от «степени знакомства, приближенности, клиентелизма» власти и бизнеса, позволяет выстраивать систему, которая находится «за спиной» формального управления.

Стоит отдельно остановиться на том, что в отечественной литературе англоязычное понятие Стоуна «urban regime» исследователи переводят по-разному, встречаются понятия «городской режим», либо «городской политической режим», что в классическом понимании тождественно. Однако же, на наш взгляд термин «городской режим» имеет более широкое трактование и точнее описывает процессы, происходящие в городе, к каковым относятся отнюдь не только политические, но и экономические, социально-культурные. В нашем анализе приоритетным является анализ режимов городских акторов с точки зрения использования городского пространства. Поэтому в исследовании мы остановились именно на термине «городской режим».

Кларенс Стоун также предложил первую классификацию ключевых типов городских режимов [1,3]. Именно на неё мы будем ориентироваться в нашем исследовании:

1. Режим статус-кво. При такой форме акторы максимально заинтересованы в сохранении баланса и не вносят никаких идей по изменению городского пространства. Основной принцип — «лучше ничего не делай, лишь бы не стало хуже». Стоун увязывает возникновение такого режима с экономическими причинами, считая, что вероятность возникновения такого режима особенно растёт с уменьшением масштаба городов. «Статус-кво» максимально тормозит любую диффузию инноваций в городском пространстве. В более расширенной типологии Г. Стоукера и К. Моссбергера [4,5] этот режим называется «режим-сторож». Такой режим был во многом характерен для большинства постсоветских городов в первый период пост-социалистической трансформации (1990-е годы), когда только появляются бизнес и общество как акторы нового коалиционного управления. Черты этого режима также присутствуют и в Санкт-Петербурге 1990-х и 2010-х годов.

2. Режим роста. Данный вид опирается на концепцию Х. Молотча и Д. Логана под названием «машины роста» [6,7]. Режим роста формируется в формате кооперации власти, бизнеса или общества в интересах быстрого экономического роста города. Именно такой режим позволяет ощутить выгоды от взаимной кооперации, поэтому создаёт необходимость консенсуса между заинтересованными сторонами. Чаще всего такие коалиции формируются между властью, бизнесом и примыкающими к ним проектными, сервисными организациями, архитекторами. Типология Стоукера и Моссбергера [4,5] называет такой режим «режимом развития» или «инструментальным режимом». По мнению социологов А. Хохловой и Т. Тыкановой [8] именно такая «машина роста» сформировалась в Петербурге в

2000-е годы ввиду явного тактического компромисса интересов власти и крупного строительного бизнеса.

3. Прогрессивный режим «среднего класса» возникает на экономически развитых территориях, где общество начинает всерьёз противостоять издержкам, возникающим на ниве идей «роста». По мнению Стоуна, для такого режима является необходимым существование «активного среднего класса» (активного гражданского общества) с существенным количеством свободного времени [1]. Общей кооперационной повесткой для общества чаще всего становятся проблемы экологии, антимилитаристская проблематика, охрана культурного наследия. Обычно движущей силой режима являются госслужащие, фрилансеры, работники социальной сферы, чьё благосостояние непосредственно не связано с ростом. Как правило, такой режим возникает на противодействии общества стратегиям роста власти и бизнеса. По мнению Н.В. Зубаревич, «именно в городах начинают концентрироваться люди с более высокими доходами, высоким уровнем образования, более высоким человеческим и социальным капиталом» [9]. Отмечается, что обязательное наличие «среднего класса» означает эффективную стратегию участия общества. Власть с гораздо большим успехом отражает участие бедных слоёв населения против проектов городского строительства, реновации, экологических изменений. По нашему мнению, определённые черты именно такого режима складываются в Петербурге к середине 2010-х годов.

Обоснованная в литературе модель режима роста, то есть односторонней кооперации власти и бизнеса в Петербурге [8,10], как нам кажется, уже не в полной мере отвечает сложившимся реалиям, связанным с новым витком активности общества и проявившимся наиболее активно с массовым сопротивлением строительству «Охта-центра» в 2006-2010 годы. Данное событие, имевшее большой общественный резонанс далеко за пределами России, по нашему мнению, фактически стало началом демонтажа городского режима «машины роста» в Санкт-Петербурге, что демонстрируют исходы большинства городских конфликтов. Рост усиления гражданского участия связан с улучшением экономического благосостояния по итогам 2000-х годов, увеличением потребностей общества в комфортной городской среде. Экологический и экокультурный активизм также является одним из важнейших маркеров вовлечения среднего класса. Поэтому процесс замедления роста доходов населения в 2010-е годы позволил в значительной степени сформироваться определённым элементам классического «прогрессивного режима среднего класса», который позволяет обществу стать крупным и самостоятельным актором и иметь полноценные рычаги влияния на использование городского пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Stone C.N. Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988 // Lawrence. 1989. 328 p.
2. Трубина Е. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
3. Ледяев В.Г. Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования. Россия и мир в XXI веке. М.: НИУ ВШЭ, 2008. С. 129-143.
4. Stoker G., Mossberger K. The Evolution of Urban Regime Theory: the Challenge of Conceptualization/ Urban Affairs Review, Vol. 36, № 6, 2001. P. 810-835.
5. Stoker G., Mossberger K. Urban Regime Theory in Comparative Perspective / Government and Policy, Vol. 12, 1994. P. 195-212.
6. Logan J.R., Molotch H.R. Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley: University of California Press, 1987.
7. Molotch H. The City as a Growth Machine: Toward a Political Economy of Place. American Journal of Sociology. 1976. 82 (2). Pp. 309-332.
8. Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политический режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «Машин роста» в борьбе за городское пространство//Журнал исследований социальной политики. 2015. № 2. С. 241-253.
9. Зубаревич Н.В. Страна городов: теория и практика российской урбанизации // Гл. в кн. «Стимулы, парадоксы, провалы: Город глазами экономистов»/ под ред. В. Аузана. М.: Strelka Press, 2015. С. 34.
10. Тыканова Е.В. Влияние городских политических режимов на ход оспаривания городского пространства (на примере Санкт-Петербурга и Парижа)//Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 3. С. 112-122.

Konstantin E. Aksenov¹, Kirill A. Galustov²

¹St Petersburg University, St Petersburg

²North-West Institute of management, St Petersburg

THE IMPACT OF SOCIALLY SIGNIFICANT URBAN ENVIRONMENT CHANGE PROJECTS ON THE TRANSFORMATION OF URBAN REGIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Clarence Stone's theory of urban regimes is the important theory describing relationships between different actors: authorities, business and society. The transformation of urban regimes is a universal trend for the entire Russian space, but there are specific features for Russia. In the paper, we consider the classification of urban regimes and analyze how it is connected to the real practices in the urban space of St. Petersburg.

Keywords: urban regimes, urban political regimes, use of the urban space, actors, transformation, Saint Petersburg.
